

1

Труп прибило к берегу. Он зацепился за каменный выступ, торчащий из воды, и покачивался на едва заметных бугорках волн в трех метрах от берега. Двое патрульных наткнулись на него ранним утром, встали у кромки воды и принялись почесывать затылки. Одному из них было больше сорока, он был упитанный и низкорослый, второй — молодой, худой, длинный. Стояли они и думали, что делать. Дело-то предстояло тягостное: сообщить о находке, ждать приезда группы, потом пойдут протоколы, осмотр места происшествия, осмотр трупа и т. д. Это значит, домой удастся попасть во второй половине дня как минимум, а дежурство-то подошло к концу.

— Это уже не наш район, — сказал старший, следовательно, главный.

Молодой милиционер понял, о чем идет речь, но поскольку на милицейскую стезю ступил он недавно, соответственно не успел заостенеть. Оттого на вполне однозначный намек старшего товарища ответил робким возражением:

— По инструкции черта города заканчивается за скалой.

Оба долго молчали, глядя на спину утопленника и не решаясь сообщить по рации, что найден труп. А вокруг — никого...

Раннее утро конца августа дышало свежестью, плотный морской воздух впитал в себя ароматы зелени, моря и земли, а тихий шепот прибоя ласкал слух. Это лучшее время для отдыха,

когда не терзает зной, но еще очень тепло, фруктов — море, само же море приносит удовольствие, и купаешься не в парном молоке, не таешь под изнурительным солнцем, и народу на пляжах меньше. Если бы не труп...

— Интересно, баба или мужик? — вытирая платком лоб, произнес старший.

— Фиг поймешь, — отозвался молодой, пытаясь рассмотреть особенности строения фигуры. Но из воды торчала одна спина, ну, еще затылок с короткими волосами, разве по ним определишь, кто утоп? — Сообщим?

— Думаешь, начальство обрадуется, что мы ему утопленника подсунем?

— Скажи спасибо — не убитого.

— А ты что, уже знаешь, утоп он сам или его утопили? — слегка раздражаясь, спросил старший. Напарник попался туповатый, и это его нервировало. Он намекает-намекает, а тот никак не врубится. — Вдруг его пришили? Тогда это глухой висяк. А за висяк нам столько насуют... мало не покажется. Процент раскрываемости сразу упадет.

— И что делать? — растерялся молодой.

— Сам он не выплывет в открытое море и за скалу не заплывет... — рассуждал старший, сунув сигарету в рот и щелкая зажигалкой. — Труп найдут и догадаются, что мы его кинули. А, черт, газ кончился. Дай зажигалку.

— Мы его пока не кинули. — Парень отдал зажигалку и с опаской уставился на коллегу. — Давай сообщим, а?

— У меня кент в Ростове-на-Дону живет, тоже, как мы, патрулирует... — не спешил сообщать о находке первый. — Так он рассказывал, как у них висяков скидывают.

— Куда скидывают?

— Город там на реке Дон стоит, знаешь такую? — принялся объяснять первый, ибо почувствовал,

6 вал, что парня уломает, уж больно робко тот

возражал ему. — Широкая река. И тянется город по берегу на многие километры. А течение в реке... нормальное. И вот. Когда плывет труп по Дону, его, конечно, к берегу прибывает. Ну, а милицейский патруль берет багор и отталкивает труп от берега, тот и плывет дальше. Сам пойми, никому неохота висяк заиметь. Значит, плывет труп себе и плывет, а все равно приплывает к берегу, но уже на территории следующего отделения милиции. Те глядь — труп! Знают же, что приплыл он из предыдущего отдела. Берут багор и назад его... в реку. Так и плывет он, пока какой-нибудь придурок его не выловит.

— У нас нет багора... багра... короче, палки.

— А ты поищи. Вон сколько тут деревьев растет.

— Ты хочешь труп... спихнуть подальше?

— За скалу транспортируем, там не наша территория, и доложим, мол, полный ажур. Из-за скалы он не переплывет обратно.

— Нам за это не...

— А кто узнает? Ты же не скажешь? И я нет. Давай, ищи длинную палку.

Долго искать не пришлось. Чуть отойти от берега — попадаешь в заросли, где полно сухих веток. Парень отыскал длинный шест, который, видимо, туристы-дикари бросили, подошел к напарнику и растерянно посмотрел на него. Чтобы оттащить труп за скалу, надо войти в воду, а ни одному из них не хотелось это делать.

— Раздевайся, — скорее попросил, чем приказал, первый.

— А почему я? — Парень перевел безразличный взгляд на труп. — Меня вырвет.

— Ты что, трупов не видел?

— Трупы видел. Плавать с ними не хочу.

— Понимаешь, у меня ревматизм...

— А меня вырвет, — отказывался парень.

— Ну, придется сообщать, — вздохнул первый. — Домой попадем вечером. (Парень молчал, что означало: лучше вечером домой попаду, чем с

трупом в одной воде бултыхаться буду.) Ладно, раздеваемся вдвоем. Найди еще палку.

Молодой человек сбегал за палкой, отыскав подходящую, вернулся. Первый нехотя снимал штаны. Разделся и парень. Взяв в руки импровизированные шесты, оба замерли, не решаясь ступить в море. Наконец первый попробовал ногой воду:

— Прохладная. Ну, пошли? Всего-то метров двадцать протащить. Только осторожно трогай его, а то повредим, потом нас подвезят за одно место.

— Да кто узнает?

— У нас ребята — Шерлок Холмс отдыхает. Не все, конечно, но есть сыщики крутые. Сразу догадуются, чем нанесли повреждения трупу и почему. Дознаются, кто был в патруле, нас и подвезят... К тому же трупный яд в воду пойдет.

— Бе-е, — выразил гадливость парень. — Ни за что больше не буду купаться в море. Плавают тут всякие... трупы... Фу!

Они осторожно, словно им предстояло приблизиться к морской mine, вошли в воду, погрузившись по пояс. Юноша вытянул шест и осторожно оттолкнул утопленника от каменного выступа. Труп легко закачался из стороны в сторону, отсоединился от камня... мелькнуло распухшее лицо.

— Баба утопла, — сообщил старший. — Иди в обход, а я ее...

— Молодая или старая? — не разглядел парень.

— Хрен поймешь... распухла вся... Толкай... Не-не! Ты поддень за футболку и переводи шест. А я подхватчу... Гляди, не порань ее! Трупы от воды размягчаются, не считаешь силу... сразу разлезется и потечет... Не, ты за лямки на поясе штанов ее подхватывай... так надежней... ага... а теперь я...

Они потолкали ее до скалы, взобрались на камни и продолжили переправлять тело шестами, перебегая по острым выступам. Когда она с их помощью переплыла на нос скалы, оба вдруг разом вскрикнули от ужаса. Нет, вокруг была тишина, кро-

ме трупa и патрульных — никого, и внезапно разда-
ется голос:

— А чего это вы нам свой труп сплавляете?

За скалой стояли два милиционера в полной эки-
пировке. Наверняка тоже патрульные, но из приле-
гающего к городу поселка, а это — другое отделение
милиции. Двое первых, которых застукали на месте
преступления, окаменели. А двое вторых с ехидными
рожами скрестили на груди руки и криво улыбались.

— Ай, нехорошо, — сказал один из них, качая го-
ловой. — Это как называется? У вас завалили жен-
щину, а вы ее к нам, да? Нехорошо.

Но тут парень заметил шляпку у берега, а на ней,
помимо весел, лежал багор, причем натуральный, с
крючком.

— Данилыч, — шепнул он потерявшемуся напар-
нику, — глянь: шляпка и багор.

Данилыч мгновенно сообразил, кто и кому под-
сунул труп, повернулся к двум наглым рожам и упер
руки в боки:

— А вот мне интересно, откуда вы знаете, что
труп был женщиной и что женщину эту завалили?
Леня, — обратился он к напарнику через плечо, — ты
рассмотрел, что бабу завалили?

— Не-а, — заверил Леня. — Я не рассмотрел, что
это баба. Я думал, это мужик. Данилыч, эти гады
приперли нам труп на шляпке, ты понял?

— Понял, понял, — покивал довольный Дани-
лыч. — Так что, ребята, забирайте свой труп, нам чу-
жого не надо.

— А мы сейчас звякнем вашим, пусть приедут и
посмотрят на вас. Мы в одежде, а где ваше обмунди-
рование? Стало быть, это вы приперли нам труп, а не
мы вам. Э! Стойте, голубчики! — Он ловко сделал не-
сколько прыжков по скале, отрезав путь к отступле-
нию полуголым коллегам. — Не уходите.

— Спокойно, спокойно, — слегка поднял руки
вверх Данилыч. — Давайте полюбовно решим
проблему. Труп вы нам подсунули...

— А ты докажи, — распетушился второй из поселковой ментовки.

— Будь уверен, докажу, — хорохорился Данилыч. — Ладно, мы ответим за то, что вам труп обратно сплавил, но и вы ответите, что нам его подбросили. Вы его нам доставили вон на той шлюпке, подцепив...

— Багором... багром... Тьфу ты! Палкой с крючком подцепили, — подсказал Леня. — Зачем вам палка с крючком? У нас простые палки, мы их нашли. А вы взяли специально...

Оценив ситуацию, противоборствующая сторона поняла: положение паршивое. Если они смоются на шлюпке, эти два полуголых негодяя сплавят труп на их территорию. А если наклеузничают городскому начальству, то полуголых потребуется задержать до приезда группы, но они молчать не будут. Короче, хоть так, хоть эдак, а начальство взгреет.

— Ваши предложения? — смягчился старший из второй группы.

— Давайте оставим труп на границе... — предложил Данилыч.

— А кто границы установил? — возмутился одетый мент.

— Послушай сначала! — рявкнул Данилыч. — Оставим на носу скалы, вызовем наших и ваших. Пусть сами разбираются, чей труп.

Подумав, все пришли к выводу, что это наилучший вариант, хотя домой теперь никто из них не попадет вовремя.

2

Алина гнала машину не хуже гонщика «Формулы-1». Разумеется, гнала там, где трасса была свободной и не стояли на обочинах вымогатели в форме.

Она уже выложила приличную сумму дорожным троглодитам, ведь путь проделала неблиз-

кий — от Москвы. Да и платила, лишь бы от нее отстали, даже не спрашивая, за что платит, где и когда нарушила правила. Алина гнала машину, потому что это был единственный способ хоть как-то унять разыгравшуюся бурю внутри. Сзади спали Сема и Наденька, ее дети, которым было соответственно пять лет и три года. Их сон оберегала нянька Галка двадцати пяти лет, прибывшая с Украины в Москву на заработки. Галке повезло, она не попала на панель, потому что имеет добрых знакомых, порекомендовавших ее в няньки состоятельным людям. А вот Алине не повезло сказочно!

Со стороны ее считают потрясающе удачливой. Но это со стороны. Да, она девушка из обычной, ничем не примечательной московской семьи и вдруг вышла замуж по любви, да еще за принца — красивого, молодого банкира (правда, тогда он не был банкиром, банкиром был его папа) с изящным именем Владлен. Короче, тривиальная «лав стори» из голливудского меню — белое подвенечное платье, лимузин, взрывы шампанского, поцелуи под крики «горько». Но Алина теперь знает, что «лав стори» не заканчивается свадьбой, дальше она плавно перетекает в другую стадию — шипы и слезы. Уже во время первой беременности муж изменял ей направо и налево, вперед и назад. А она, как последняя дура, преданно, до одури, самозабвенно любила его. Почему же последняя? Первая! Другой такой дуры не сыщешь во всем белом свете. Наденьку Алина вообще родила недоношенной, потому что муж совсем обнаглел. Он разъезжал по кабакам в компании вульгарных девиц, а доброжелатели докладывали ей о похождениях мужа — дескать, прими меры. Интересно, какие? Случалось, ей звонили его пассии и нагло заявляли, что Владлен не любит ее. А она молчала, стиснув зубы, и выхаживала слабенькую Наденьку. Ну, кто она после этого? Первейшая дура. Кончилось тем, что недавно он уже открыто восхищался новой секретаршей, рассказывая ей, своей жене(!), 11

о прелестях этой блудливой кошки. Как будто Али-на — уродина, выхухоль из болота. Да у нее один рост сто восемьдесят, на каблуках — все сто девяносто, ноги от ушей растут! В юности ее хватали прямо на улице:

— Не хотите ли поучаствовать в конкурсе красоты?

Но она не гналась за карьерой топ-модели, ибо имела весьма смутное представление об этой сфере, а училась в университете, куда поступила благодаря своим знаниям. Правда, студенткой снималась в рекламных роликах, но снималась, исключительно чтобы подработать. А почему ее снимали? Потому что Алину считали красивой девушкой и фотографии ее помещали даже на обложках журналов. Но разве она изменилась? Было бы не так обидно, если бы она постарела, подурнела, растолстела. Тридцать один год всего-то! Выглядит — супер, мать и жена — каких поискать, с редким терпением и самоотдачей. Но терпение и «лав», оказывается, не вечные, как и скоропортящиеся продукты. Владлен так расписывал прелести новой секретарши, что Алину переключило. Как гнусно — секретарша! Не бизнес-леди, не актриса, не партийный лидер, в конце концов! А тупой примитивизм — секретарша. И как обидно... Алина на собственном опыте уяснила: все секретарши — шлюхи. Пардон, ошибочка, шлюха — это черта характера, достается с рождения, а проститутка — это стиль жизни. Секретарши и есть проститутки, которые стоят на пару ступеней выше панели, продаются за стул и стол возле кабинета шефа.

Итак, последнее событие привело Алину в ярость. Муж не хотел брать ее на корпоративную вечеринку, и Алина впервые проявила упрямство. Не просто упрямство, а жестко сказала: «Хочу и пойду». Полдня она провела в косметическом салоне, потребовав:

— Сделайте из меня шлюху.

Косметички не удивились, видимо, она была не первой желающей приобрести фальшивый блеск куртизанки, и требование исполнили.

С новым обликом, с прической «ветерок погулял по моей головке», в шикарном костюме, она и явилась в ресторан, намеренно опоздав. Несмотря на исключительно «семейный» круг вечеринки, Владлен пригласил нескольких бизнесменов-друзей. Друзья-то как раз и остолбенели, увидев Алину. Она снисходительно разрешала за собой ухаживать, заметив, что лучше ее здесь никого нет. В это время муж куда-то исчез. Алина, зная, что кабак принадлежит приятелю Владлена, интуитивно направилась в кабинет директора. Полового акта она не застала, может, рановато пришла, но пылкие поцелуи ей удалось лицезреть. С секретаршей, которая сидела на столе (тоже пошлость — дальше некуда), целовался ее муж. Даже не удосужились дверь запереть! Разумеется, они отпрянули друг от друга, секретарша соскочила со стола и поправляла на себе одежду, скромно опутив блудливые глазки.

— Не смущайтесь, — с усмешкой сказала Алина, погружаясь в мягкое кожаное кресло. — Продолжайте, продолжайте.

— Уйди, — буркнул муж секретутке.

Та беспрекословно, опасливо обходя Алину в кресле, заскользила к выходу.

— И ты бросаешься на это?! — тоном, полным презрения и одновременно с чувством превосходства, сказала Алина, указывая ладонью на проходившую мимо секретутку. — Какой у тебя дурной вкус!

Самое отвратительное, что муж даже не оправдывался, не извинялся за свинское поведение. Он считал, что ничего в этом нет предосудительного, напротив, любовница — это хороший тон! Владлен отошел к окну и закурил как ни в чем не бывало. Кстати, он не позволяет называть себя Влад, говорит, это упрощает имидж. После паузы, во время которой Алина боролась с искушением убить его, она вздохнула, не показывая истинного своего состояния:

— Жаль. Мне хотелось посмотреть, как вы это делаете.

И гордо удалилась. В отместку она принимала ухаживания, нагло кокетничая с мужчинами. И надо же, ее поведение не понравилось мужу! Она пользовалась повышенным вниманием, это Владлена разозлило или ревность разыграла — черт его знает. После вечеринки он отчитал ее дома, все же она его жена и должна соответствовать... Алина оставила его пыхтение без внимания, разделась и легла спать. А утром, не предупреждая мужа, собралась, взяла няньку с детьми, кучу денег наличными и укатила на юг. Главная причина — она бежала от искушения убить его. Да, да, это не просто слова, это было непередаваемое желание отомстить за унижения, и Алина даже нашла средство мести — яд. Испугавшись, что перебороть себя не сможет, она придумала выход — поставить между мужем и собой преграду из тысячи километров. Конечно, можно было воспользоваться самолетом, на худой конец поездом, но куда в таком случае деть энергию, которая кипит и нуждается в выходе? Алина предпочла сесть в машину и ехать, ехать, ехать... К тому же торопиться некуда. Муж опомнился через день, позвонил на мобильник:

— Алина, в чем дело? Куда ты пропала?

— Проветриваюсь, — и ни слова более.

Теперь, пока у него не вырастут рога аж до космоса, она не успокоится. И один рог уже имеется, правда, не ветвистый, но все еще впереди. Приходилось делать остановки в крупных городах по дороге, ведь ей и детям необходим отдых, ну и переспала с одним... не важно. Она прихватила портрет мужа размером с плакат и первый рог с удовольствием пририсовала к его голове фломастером. Притом не испытывала угрызений совести ни на йоту: Владлен ее уничтожил. Немного противно, да не смертельно, пройдет. Она ехала туда, где еще жарит солнце, а люди там и без того горячие. Алина подогрета тоже основательно, так что ветви у рогов скоро появятся.

— Алина, пожалуйста, не гоните, — долетел до нее голос Галки.

Скорость она сбавила, но не очень. Даже если врежется, пусть это будет мгновенная смерть. Но, бросив взгляд на спящих детей, Алина уменьшила скорость до нормы. Это ее дети, которых она безмерно любит, лишить их жизни — преступление. Они-то ни при чем. Да и Галка не виновата, что Алина зла на весь мир.

Руслан сладко потянулся, сбросив простыню, зевнул и открыл глаза. Легкий ветерок теребил штору, и, когда она слегка вздымалась, в комнату врываются яркие лучи солнца. А сколько времени? Он потянулся за часами, лежавшими на полке у софы. Десять? Никогда еще он так не залеживался. Но, припомнив, что как раз сегодня никуда не надо мчаться, Руслан спокойно встал, набросил рубашку, вышел из комнаты и остановился у двери на кухню. Кларисса колдовала у плиты, да так сосредоточенно, что не заметила его. Он подкрался сзади и обхватил ее руками, от неожиданности она вскрикнула, а потом откинула голову ему на плечо:

— Напугал.

— Сильно? — спросил он, целуя ее в шею.

— Немножко. погоди, а то завтрак сгорит.

Она отстранилась, перевернула кусок мяса и накрыла его крышкой.

— Что ты готовишь? — снова привлек ее к себе Руслан.

— Насколько я поняла, завтракать ты любишь плотно, поэтому готовлю тебе свинину с овощами. А я ограничусь бутербродами. Не могу с утра наедаться.

— Я бы тоже ограничивался бутербродами, да только при моей работе поесть не всегда удается. Я пошел в душ, освежусь. Кстати, какие у тебя планы?

— За сыном пора съездить...

— Отлично, у меня свободный день, — отправляясь в ванную, сказал он. — Я отвезу тебя и привезу. Как?